

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ В ВОПРОСАХ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: РОССИЯ КАК ФАКТОР ПОЛЯРИЗАЦИИ

К. К. Худолей 

Ю. Ю. Колотаев 

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 20.04.2024 г.

Принята к публикации 15.07.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

© Худолей К. К., Колотаев Ю. Ю., 2024

В условиях современной конфронтации России и Запада процессы консолидации и дивергенции политических элит имеют фундаментальное значение для понимания механизмов образования разделительных линий между ними. В особенности это важно в отношении элит Европейского союза, противостоящего России. Цель статьи заключается в выработке структуры анализа разделительных линий элит ЕС по вопросам отношений с Россией. В ходе анализа применяется многоступенчатая модель, устанавливающая зависимость «глубины» разделительной линии от степени разобщенности элиты. Модель также включает два уровня анализа разделительных линий в ЕС: наднациональный и национальный. Исследование показало, что в зависимости от степени расхождения интересов и сохранения коммуникационных каналов дивергенция элит может приводить к сегментации, фрагментации или поляризации. Каждая из этих ступеней дивергенции по нарастающей фиксирует снижение возможности выработки общей позиции ЕС по вопросам внешней политики. В зависимости от уровня анализа элит в ЕС наблюдаются все три тенденции в отношении России. При этом в процессе формирования линии разрыва принципиальным является рассматриваемый аспект отношений с Россией: степень разрыва связей или поддержка и финансирование сдерживания России. Дополнительными переменными выступают такие факторы, как региональная принадлежность элиты, ее идеологические рамки и положение в рамках власти. Из всех уровней анализа поляризация намечается в рамках попытки наднациональных элит продвигать «воинственную интеграцию», что вступает в конфликт с интересами национальных элит и граждан стран-членов.

Ключевые слова:

Россия, Европейский союз, Европа, элиты, разделительные линии, фрагментация, поляризация, сегментация

Введение

Одно из важнейших явлений современных международных отношений — конфронтация России и Запада, имеющая тенденцию к обострению. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование факторов, влияющих на процесс

Для цитирования: Худолей К. К., Колотаев Ю. Ю. Разделительные линии в вопросах общей внешней политики в Европейском союзе: Россия как фактор поляризации // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 87–107. doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

принятия внешнеполитических решений в странах Запада, и разделительных линий, существующих внутри западных элит по вопросам формирования политики в отношении России. Это тем более важно, что, как отмечал президент В. В. Путин, России противостоят не недружественные государства, а недружественные элиты¹. Данные сюжеты весьма актуальны и применительно к ЕС, одному из основных центров современного мира, противостоящему России, где процессы принятия внешнеполитических решений как на национальном, так и на наднациональном уровнях тесно взаимосвязаны, но одновременно имеют существенную специфику.

Члены ЕС, сохраняя в большинстве своем антироссийскую позицию на официальном уровне, активно сталкиваются с возникновением внутренних и внешних разделительных линий, которые пролегают на совершенно различных уровнях общества, так как возникают в силу социально-экономических, политико-идеологических и других факторов. В текущей ситуации открытого противостояния с Россией вопросы артикуляции и проведения общего внешнеполитического курса по отношению к России становятся стимулом для формирования разделительных рубежей внутри европейских стран. Центральную роль здесь играют политические элиты ЕС, которые в силу партийной или национальной принадлежности дифференцируются в степени поддержки антироссийских инициатив.

Научная разработка данного явления представляет большую ценность для определения актуальной политической линии в отношении ЕС и отдельных европейских стран. По этой причине авторы статьи предлагают собственный подход к анализу процесса формирования разделительных линий среди политических групп ЕС, формализованный в рамках единой модели. В качестве примера берется наднациональный сегмент элиты ЕС, связанный с «многокомпонентной европейской системой элит» [1, с. 28]. При этом дивергенция рассматривается лишь в рамках политических кругов как частного проявления многоуровневой и комплексной среды элит ЕС.

Цель статьи — выработка типовой модели анализа разделительных линий в рамках западных элит на примере пространства ЕС в отношении России на современном этапе. Основой модели выступает авторская градация степени дивергенции элит, включающая такие ступени, как сегментация, фрагментация и поляризация. Приоритетным является поиск общих механизмов формирования разделительных линий в ЕС, выводимый из наднациональной среды. Следовательно, представленная в статье модель анализа может быть перенесена в дальнейшем на другие страны Запада.

Статья структурно содержит теоретическую, методологическую и эмпирическую части. В рамках первого и второго раздела рассматриваются общенаучные аспекты формирования межэлитных разделительных линий с опорой на концепции социальной дивергенции и структуры элит ЕС. В них формируются общие рамки модели анализа разделительных линий. В третьем разделе работа акцентируется внимание на практических примерах дивергенции элит из практики ЕС, выраженных в конкретных политических кейсах.

В ходе подготовки модели авторы методологически опираются на структурно-функциональный анализ, включающий выявление общей, наднациональной системы элит с оценкой функциональных связей и занимаемых позиций сегментов евроэлиты в вопросах внешнеполитических решений. Построение модели происходило через сопоставление сегментов элиты с их позицией по двум основным аспектам отношений с Россией (степень разрыва связей / степень поддержки Украины). На основе сопутствующих факторов (идеологических, геополитических, институциональных и др.) определялась итоговая конфигурация разделительных линий.

¹ Встреча с работниками культуры Тверской области, 27 марта 2024 г., *Президент России*, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73747> (дата обращения: 17.04.2024).

Эмпирическая основа работы включает выступления и заявления политиков ЕС, отражающие расхождения в дискурсе элит ЕС. Отбор заявлений происходит на основании репрезентации трех основных сегментов элиты ЕС в зависимости от рассматриваемых кейсов и форм дивергенции. Примеры носят общий характер и не призваны обозначить всю палитру существующих позиций. Их задача заключается в иллюстрации широких контуров представленной модели анализа.

Разделительные линии внутри социума и политических элит: теоретический аспект

Возникновение линий раскола в современных политических и национальных сообществах выступает естественным явлением, обладающим значительным спектром причинных предубеждений. Разобщенность общества и элит не обладает единообразием и гомогенностью. Ей свойственна градация, обуславливающая «глубины» разделительных линий. В современных социальных науках сформировался перечень терминов, отражающих различные формы социальной дивергенции. Среди них центральную роль имеют «сегментация», используемая в экономических исследованиях рынков, «фрагментация» [2], пришедшая из сферы анализа цифровых и компьютерных систем [3; 4], а также «поляризация», популяризовавшаяся за последнее десятилетие на фоне глобального роста популизма [5]. Данные категории используются в научных исследованиях в связке и по-отдельности, редко формируя, однако, системное или многоуровневое представление о процессе социальной дивергенции.

Вместе с тем именно градация дивергенции выступает необходимой основой для изучения разделительных линий, так как позволяет установить критерии эмпирически значимых случаев образования раскола при анализе межэлитного взаимодействия. По этой причине авторы работы производят общую систематизацию концепций *сегментации*, *фрагментации* и *поляризации*. Градация трех форм отказа от компромиссного существования между элитами опирается на интенсивность контактов между политическими группами и степень идейно-идеологических расхождений. Потенциальный переход от одной стадии к другой характеризуется сокращением связей с последующей трансформацией взаимного восприятия.

Сегментация как первичная ступень дивергенции элит подразумевает распад на обособленные части при сохранении взаимных контактов. Появление элементов сегментации означает разделение членов сообщества на группы по определенным характеристикам, что является предпосылкой (но необязательно причиной) для создания идеологических коконов и информационных барьеров для коммуникации [6, с. 58]. В основе сегментации могут лежать классические границы идеологического свойства, основывающиеся на старых и обновленных идеологических маркерах («левые», «правые», «либералы», «консерваторы», «националисты», «фундаменталисты», «радикалы» и т. д.) [7, р. 179].

Следующая ступень дивергенции элит — *фрагментация* — формирует тенденцию к сокращению или даже исчезновению межгрупповых коммуникаций, присутствующих на этапе сегментации. Фрагментация проявляется в отходе от диалога в пользу прямого обособления и обрыва взаимных связей между уже сформированными группами. Она приводит к уменьшению социальной солидарности между образовавшимися группами и увеличению идеологической диспропорции, в то время как каждая из групп закрепляет свои собственные интересы и цели. Однако в отличие от поляризации подгруппы в процессе фрагментации могут иметь схожие или пересекающиеся интересы, и это способно привести к спорадическому сотрудничеству и координации между ними без устойчивых связей.

Поляризация лишь закрепляет распад социальной структуры и ведет к формированию конфликтных и непересекающихся позиций. При этом речь идет уже не просто о разрыве коммуникации, а о создании «контрнарратива» и полярных позиций, провоцирующих прямые или опосредованные столкновения между элитами. Это связано с разделением на группы с разными взглядами, отличающимися убеждениями и интересами, а также фиксацией линий раскола в конфликтующих нарративах. Иначе говоря, закрепление разделительных линий и отдаление политических групп формирует основу поляризации. На текущий момент исследования поляризации выделяют две ключевые основы: поляризацию на основе предпочтений, или проблемно-ориентированную поляризацию, а также так называемую поляризацию на основе идентичности, или аффективную (социальную) поляризацию [8—10, р. 922]. Последняя напрямую связана с идеологической пропастью между политическими группами и межличностной конфронтацией их представителей [11, р. 53]. При этом поляризация способна выступать в зависимости от исследовательской повестки постепенным *процессом* или сформировавшимся *состоянием* элиты и общества [9]. Все эти характеристики уточняют особенности поляризации и позволяют закрепить за ней статус критической точки деградации связей между элитами.

Любая из стадий социальной дивергенции может проявляться как результат снижения общей плотности общественных контактов или деградации политического консенсуса. Возможны и причины, проистекающие из других областей общественной жизни: от экономического расслоения до межкультурной конфронтации. При этом появление разделительных линий происходит на различных уровнях социума, включая разобщение между социальными группами, маргинальными группами и основной частью общества, народными массами и элитами или самими элитами между собой.

Важно подчеркнуть релевантность введения градации дивергенции элит в контексте внешнеполитической динамики и процесса формирования коллективной позиции по отношению к конкретным аспектам международных отношений. По данному спектру вопросов образование разделительных линий может происходить в силу как внутренних причин, так и внешних. Внутренние причины обусловлены релевантностью рассматриваемой темы для общества внутри страны, а также структурой коммуникационных каналов между политическими элитами. Внешние могут быть связаны с прямым и косвенным информационным влиянием извне, положением рассматриваемого актора в контексте международных связей самого государства, его статуса в рамках международной системы или различных регионов отдельной страны. При этом само внешнее вмешательство имеет различный вес в зависимости от фазы дивергенции элит. Искусственное разжигание противоречий является поводом для консолидации, в то время как наличие реальных разделительных линий способствует использованию внешнего фактора в условиях конфликта элит. Все эти переменные и создают границы при переходе от одной степени межэлитного разделения к следующей.

Из всех трех категорий дивергенции — от сегментации до поляризации — наибольшее значение имеет граница между поляризацией и фрагментацией, так как в той или иной степени сегментация представляет собой естественное состояние многопартийной политической среды, в то время как фрагментация и поляризация указывают на начавшуюся деградацию социальных связей. Вместе с тем в рамках групповой динамики все три стадии возможны лишь при наличии общего явления, от которого эти процессы отталкиваются. Отсутствие общего проблемного поля не создает положительных или негативных связей для дальнейшей межэлитной динамики. Это отражается и с точки зрения последующей секьюритизации элитой ключевых национальных приоритетов, и с точки зрения коммуникации с народными массами [12, р. 2; 13, с. 67].

Политическое пространство европейских стран показывает, что между политическими элитами возникают сложные политические связи, варьирующиеся в спектре от условного единства до острой конфронтации. Структура этих отношений зависит от конкретной темы или фактора, находящегося в центре внимания. Демонстрируемая близость, к примеру, по вопросам отношений с партнерами может иметь диаметрально противоположный характер при обсуждении взаимодействия с оппонентами. При этом наибольшее значение имеют те темы, которые способны перевесить устойчивые связи и сформировать разрыв между группами элит. С точки зрения постфункционалистской теории интеграции [14; 15] к таким темам относятся особенно чувствительные вопросы, затрагивающие идентичность элиты или страны.

В текущей ситуации такой тематикой для европейских стран в значительной степени становится вопрос проводимой политической линии в отношении России. В отдельных случаях эта проблематика выступает темой для фрагментации элиты с сохранением нестабильного баланса, в то время как в других становится реальным поводом для поляризации. Это указывает на статус поляризации как процесса с активной динамикой и потенциалом для перехода из проблемной в аффективную разновидность.

Четкое определение «глубины» разделительных линий позволяет правильно охарактеризовать состояние элиты того или иного государства и дает возможность избежать упрощения ситуации или проецирования идеологически выгодного состояния на реальное положение дел, что является крайне важным при внешнеполитическом планировании. Состояние фрагментации между элитами сохраняет вероятность, что консенсус между фрагментами может поддерживаться вопреки кажущейся разобщенности, в то время как поляризованное идейное расхождение в нарративах указывает на низкую вероятность нахождения консенсуса (или ее отсутствия).

Существует обширное число источников появления социальной и межэлитной дивергенции, варьирующейся от неравенства, неопределенности [16] деградации политической культуры и популизма [17; 18] до набора индивидуальных предпосылок (культурно-религиозные, этнические и демографические различия). На базе этих факторов формируются идейно-политические различия в интересах и позициях. Иначе говоря, социально-политический и экономический базис выступает исходной точкой фрагментации, на основе которой возможна уже последующая поляризация по ключевым вопросам (в том числе и по вопросам построения внешней политики).

Таким образом, теоретическое осмысление процесса появления разделительных линий между элитами указывает на различия и вариативность возможных состояний межэлитного баланса. Если поляризация относится к разделению элит с явным отдалением и соперничеством друг с другом, то фрагментация ассоциируется лишь с более простой дивергенцией элит на множество отдельных групп или подгрупп с минимальной, но потенциально поддерживаемой коммуникацией. Эта градация позволяет лучше понять, при каких условиях следует говорить о политически значимой дивергенции между элитами, а когда об идейном расколе, не переходящем в плоскость реального конфликта элит.

Уровни и параметры анализа разделительных линий внутри наднациональных элит ЕС

Важной составляющей изучения механизма образования разделительных линий остаются условия, по которым можно оценить, на каком уровне находится размежевание элит. Предлагаемая авторами модель анализа степени дивергенции элит

ЕС перед лицом конфронтации с Россией дополняет градацию дивергенции тремя ключевыми вопросами. Каждый из них формирует предпосылки для установления линий разлома. Общие черты с переменными для анализа представлены на рисунке.

Переменная 1 <i>Агент</i>	Политические круги ЕС		
	<i>Национальная элита</i>	<i>Наднациональная элита</i>	
		Евродепутаты	Евробюрократия
Переменная 2 <i>Контекст</i>	Аспекты отношений с Россией		
	Степень разрыва отношений	Степень поддержки оппонентов	
Переменная 3 <i>Триггеры</i>	Факторы дивергенции		
	<div style="border: 1px solid black; border-radius: 15px; padding: 10px; margin: 10px auto; width: 80%;"> <ul style="list-style-type: none"> ➤ География; ➤ Нарратив о «внешней угрозе»; ➤ Институты; ➤ Идеологическая; ➤ Статус в рамках власти. <p style="text-align: center; margin-top: 10px;"><i>Пространство формирования разделительных линий</i></p> </div>		
Итог	Степень дивергенции:		
	Сегментация	Фрагментация	Поляризация

Рис. Модель анализа дивергенции европейских элит

К ним относится критическая оценка того, какие политические группы следует считать на сегодняшний день элитой ЕС в вопросах выработки внешней политики (переменная 1). Не менее важным является установление круга вопросов в отношениях с Россией, формирующих разделительные линии (переменная 2). Третий аспект касается факторов среды, определяющих условия дивергенции (переменная 3). Выбор вопросов определяется функциональной связью между агентом, контекстом и триггерами [19]. Финальная часть модели фиксирует итоговую степень дивергенции. Обозначенная модель в текущем представлении является авторским алгоритмом анализа. Она не формирует итоговую матрицу или систему координат для определения конечных условий каждого из видов разделительных линий. Ее эвристическая ценность состоит в распределении и систематизации наблюдаемых предпосылок создания линий разлома в элитах ЕС. Модель дает возможность зафиксировать характер разделительных линий и конкретизировать состояние дивергенции. Тем самым она позволяет избежать упрощения характера разобщения элит через призму лишь одной составляющей. Далее приведено уточнение причин выбора названных переменных в качестве центральных для модели.

Вопрос политических кругов (переменная 1) имеет принципиальное значение, поскольку во многом определяет структурную сложность актуальной системы принятия внешнеполитических решений в Европе. Первичным допущением при этом является понимание европейского пространства (и пространства коллективного Запада в рамках европейских границ) связанным с интеграционными структурами,

прежде всего с ЕС. Это допущение, безусловно, не учитывает, что не все страны Европы интегрированы в институты ЕС (Великобритания, Норвегия, Швейцария). Однако в целях выявления закономерностей поляризации в элитах недружественных стран, а также с учетом роли ЕС в координации антироссийских мер это допущение считается приемлемым.

Из этого допущения вытекает и ключевая особенность современных политических систем большинства государств Европы, а именно их многоуровневая структура, сочетающая в себе национальные и наднациональные черты [20—22] и, следовательно, национальную и наднациональную политическую элиту [23; 24]. Первая отражена в классических партийных связях и связи с центральными органами власти. Вторая, наднациональная, ассоциирована с евроинститутами (Еврокомиссия, Европарламент, Европейская служба внешних связей (ЕСВС) и т.д.) и представлена назначаемой «евробюрократией» и избираемыми европарламентариями. Сложившийся институциональный баланс в ЕС говорит о том, что часть институтов — Совет министров и Европейский совет — обеспечивает статус и функции национальных элит. Другие евроинституты представляют скорее союзную, чем национальную элиту. Однако наднациональные политические группы имеют непосредственную связь с национальными государствами, так как нередко наблюдается трансфер национальной элиты в разряд наднациональной и наоборот.

У каждой из элит наблюдается своя внутригрупповая идентичность [15]. В рамках всей системы национальные элиты сохраняют ключевую роль в определении политического курса. Но управление внешнеполитическими вопросами осложняется комбинацией из приоритетов политической элиты ЕС (европарламентариев и евробюрократов) в сочетании с полицентричной системой национальных сил. Подобная тенденция закрепилась с момента получения ЕС международной правосубъектности и создания постоянно действующего внешнеполитического института (ЕСВС) [25; 26]. Вместе с тем если национальная элита имеет высокий уровень легитимации, так как связана чаще всего с институтом выборов, то евробюрократия испытывает дефицит легитимации, также обозначаемый как «демократический дефицит» [27; 28]. Институциональные процедуры назначения евробюрократов даже с учетом реформ, предпринятых в XXI в., не полностью зависят от выбора граждан ЕС.

В совокупности политическое пространство ЕС — многосоставная система элит, включающая национальные политические элиты, которые могут объединиться для осуществления деятельности на европейском уровне, а также собственно политическую элиту ЕС. Следует отметить, что из системы упускаются бизнес-элиты, гражданское общество и другие участники политического процесса, так как они имеют опосредованное (хотя и важное) влияние на процесс принятия политических решений и требуют отдельного рассмотрения.

Вторая, контекстуальная часть модели (переменная 2) отражает те аспекты отношений с Россией, которые формируют повод для образования разделительных линий в вопросах внешней политики. Основой являются два центральных противоречия: вопросы социально-экономического характера и военно-политического противоборства. Они сформировались с начала санкционного противостояния и информационного противоборства ЕС и России с середины 2010-х гг. [29; 30]. Оба вопроса находятся в логической связке, но могут в разной степени способствовать дивергенции элит.

В современных условиях они включают в первом случае степень разрыва отношений с Россией, а во втором — степень участия в конфликте на Украине. К категории разрыва отношений относятся прежде всего варьирующиеся санкционные меры и разного рода формы сокращения социально-экономических и культурных

контактов с Россией. Участие же в конфликте на Украине означает смену роли ЕС и его элит со статуса конкурента на статус недружественных государств и объединений. Это выражается в различных формах: от гуманитарной помощи до дискуссий о возможной отправке ограниченного военного контингента.

Важно подчеркнуть, что создание разделительных линий, как и сама дивергенция, это скорее процесс, а не состояние, отражающий межэлитную динамику. В пространстве ЕС фактор России как тематическое поле для дробления элит создает одновременно повод для всех трех ступеней дивергенции, зависящих напрямую от факторов, обостряющих трения между элитами (переменная 3). Основу для анализа подобных факторов можно найти в рамках социальных переменных [31], к которым относятся:

- географическая привязка (граница с Россией);
- тональность нарратива о «внешней угрозе»;
- институциональные рамки;
- внутренняя и внешняя идеологическая дивергенция;
- статус в рамках власти (правящий или оппозиционный).

Перечень переменных не является исчерпывающим, но на концептуальном уровне существенной выступает сама связь между факторами и уровнем дивергенции, которые находятся в системной зависимости от уровня элиты и рассматриваемых вопросов в конкретный промежуток времени. В зависимости от эмпирической основы отдельные факторы будут иметь более весомое значение для определения дивергенции элит. Так, можно предположить, что идеологическая дивергенция правых и левых сил по вопросам материальной поддержки Украины будет важна среди евродепутатов, но практически не будет выявлена среди евробюрократов. При этом характер дивергенции (фрагментация, поляризации и т. д.) могут определяться непосредственным положением в рамках власти — доминирующим или маргинальным. В то же время существуют свидетельства [32] географической привязки, провоцирующей фрагментацию национального сегмента элиты ЕС в вопросах снижения поддержки разрыва отношений с Россией.

Таким образом, представленная модель анализа включает совокупность из теоретических концепций и практических переменных, формирующих единое проблемное поле для установления «глубины» разделительных линий. Модель требует дальнейшей доработки с точки зрения внедрения количественных средств оценки и отслеживания динамики дивергенции. Однако в представленном виде она позволяет произвести первичную классификацию примеров образования разделительных линий между элитами ЕС и тем самым осуществить ее ограниченную апробацию.

Россия как фактор появления разделительных линий

Постепенное формирование наднациональной евроэлиты, предварившее современную конфронтацию между Западом и Россией, создало контекст, в котором закрепление противоречий межэлитного консенсуса сопровождало поиск евроэлитой своего места в политической системе ЕС. Многосоставная природа при доминирующей роли национальных государств обусловила одновременное ограничение национальных интересов для нужд консенсуса, вынуждая искать баланс приоритетов на разных уровнях системы [29]. Однако закрепление через балансирование ограничений интересов элит и государств (как через санкции, так и через нормативное давление) создает повод для дробления. Причиной тому является отсутствие доминирующей силы, которую лишь частично заполняют руководители ЕС в тандеме с

ведущими странами объединения. Все это определяет условия дивергенции элит на наднациональном уровне (с проекцией на государства) при формировании общей внешней политики по отношению к России.

Особенность дивергенции элит ЕС можно установить через примеры с разной степенью центробежных сил. Дальнейший анализ ситуативных примеров иллюстрирует каждую из представленных в теоретической части ситуаций с последующим отражением введенных ранее переменных.

Сегментация элит ЕС

Система элит ЕС подразумевает, что политическая неоднородность и сегментация в европейских странах является и без условий внешней конфронтации состоянием нормы. Так, еще до начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. на Западе наблюдались линии разлома на трансатлантическом (в транснациональном и трансправительственном проявлениях) [33], внутрирегиональном (между Западной Европой и Восточной) и внутригосударственном уровнях [34]. Подобные конфликты не в полной мере могут быть восприняты как межгосударственные, так как в них вырисовывается компонент противостояния условно либерального и консервативного векторов многосоставной европейской элиты.

Отдельные примеры разделительных линий стали прямыми предшественниками дальнейших линий разлома в контексте начала СВО. Так, непоследовательный курс немецких элит по отношению к «Северному потоку-2» получил прямое продолжение в рамках неоднородной реакции по вопросам санкций и сокращения экономических контактов с Россией после 2022 г. Это указывает на наличие целого пласта преимущественно национальных предпосылок [35; 36], выступивших основой для внутриэлитного раскола уже после обострения конфронтации в 2022 г.

Начало СВО вызвало сравнительно гомогенную коллективную реакцию большей части элиты ЕС, выраженную, в частности, в позиции Европейского совета¹, дублируемой Европейской службой внешних связей² и Европарламентом³. Вместе с тем различные сегменты элиты ЕС выделили свои позиции в дальнейшем по вопросам построения социально-экономических связей с Россией и прежде всего санкций. В частности, показательным стал вопрос введения ценового потолка на нефть, где при преимущественной поддержке самой меры наблюдалась дивергенция⁴. Так, польские и балтийские политики отклонялись от консенсусного решения в сторону более низкого потолка цен⁵, в то время как Венгрия и ряд других стран

¹ Special meeting of the European Council, 24 February 2022, *European Council*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2022/02/24/> (дата обращения: 14.03.2024).

² HR/VP Press Statement on Russia's aggression against Ukraine, 24.02.2022, *EEAS*, URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/hrvp-press-statement-russias-aggression-against-ukraine_en (дата обращения: 14.03.2024).

³ European Parliament resolution of 1 March 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564(RSP)), URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ EU struggles to agree Russian oil product price cap, seeks Friday deal, 01.02.2023, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eu-struggles-agree-russian-oil-product-price-cap-seeks-friday-deal-2023-02-01/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ EU Debates Russian Oil Price Cap as Low as \$62 as Talks Slow, 22.11.2022, *Bloomberg*, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-28/eu-states-to-resume-russia-oil-price-cap-talks-monday-evening?srnd=premium-europe> (дата обращения: 14.03.2024).

сохранили право не участвовать в данном механизме¹. Ценовой потолок на российский газ оказался еще большим камнем преткновения, так как вызвал менее однородную реакцию в европейской среде. Министр энергетики Греции К. Скрекас указывал на то, что «Европа ведет бесполезные дебаты»², в то время как министр иностранных дел Венгрии П. Сийярто подчеркивал, что на пробном голосовании министров энергетики девять стран выступили критически по данному вопросу³, высказавшись против ценового потолка. При этом на уровне наднациональных лидеров ЕС, включая председателя Еврокомиссии У. фон Дер Ляйен, наблюдалось острое стремление к продвижению ограничений в энергетической сфере⁴. В результате был сформулирован динамичный механизм, ставший средством сохранения состояния сегментации без перехода к более острым разделительным линиям в позициях стран и элит.

Показательной является общая сегментация элит ЕС и по факту поддержки Украины в ходе конфликта. Несмотря на доминирование позиции о необходимости всесторонней помощи, важным индикатором становится вопрос о ее степени и форме. Элиты выражают диспропорциональную поддержку различным инициативам: от политических заявлений и базовой гуманитарной помощи до вопросов членства в ЕС и прямого вмешательства. Наиболее насущным вопросом к началу 2024 г. выступает проблема финансирования военных расходов. Так, среди элит присутствуют противоположные позиции по возможности создания совместных облигаций ЕС для финансирования поставок оружия Украине: инициатива поддерживается политиками Франции, Эстонии, Польши, но не Германии, Нидерландов и Австрии⁵. Попытки избежать углубления разделительных линий по этому вопросу предпринимаются на разных уровнях. Для этого политиками ЕС перманентно декларируется исходящее от России желание «длительного конфликта с Западом»⁶, а также принимаются общие резолюции Европарламента⁷ о военном обеспечении Украины.

Исходя из примеров, можно сделать вывод, что факторами сегментации становятся экономические убеждения, как в случае с финансированием военных расходов, или география элит, как в ситуации с потолком на цены. Страны ЕС, имеющие общую границу с Россией, проявляют большее стремление к активной поддержке

¹ Венгрию освободили от применения потолка цен на российскую нефть, 03.12.2022, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/12/2022/638b9f819a79474c6a0321cd> (дата обращения: 14.03.2024).

² EU delays decision on natural gas price cap, countries still at odds, 14.12.2022, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eu-unity-stake-countries-try-break-gas-price-cap-impasse-2022-12-13/> (дата обращения: 14.03.2024).

³ Девять стран ЕС выступили против потолка цен на газ, 19.12.2022, *РИА Новости*, URL: https://ria.ru/20221219/evrosoyuz-1839750917.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Statement by President von der Leyen on energy, 07.09.2022, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5389 (дата обращения: 14.03.2024).

⁵ Russia doubles down on Ukraine war while EU leaders are divided on how to finance weapons, 21.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/russia-doubles-down-ukraine-war-while-eu-leaders-divided-how-finance-weapons/> (дата обращения: 01.04.2024).

⁶ Finnish leader says Russia is preparing for 'long conflict with the West', 13.03.2024, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/finnish-leader-says-russia-is-preparing-long-conflict-with-west-2024-03-13/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁷ Parliament calls on the EU to give Ukraine whatever it needs to defeat Russia, 29.02.2024, *European Parliament*, URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240223IPR18097/parliament-calls-on-the-eu-to-give-ukraine-whatever-it-needs-to-defeat-russia> (дата обращения: 14.03.2024).

Украины, в то время как у стран, отдаленных от России, желание поддержки снижается¹. Данное национальное разделение частично сглаживается при анализе наднационального уровня, где евробюрократия практически не выражает дивергенции, а европарламентарии редко выступают в защиту национальных геополитических приоритетов. Это сводит процесс дивергенции лишь к статусу сегментации.

В то же время, учитывая многосоставной характер элиты, отдельные политические деятели ЕС приходят к пониманию, что «доступное пространство для принятия новых мер становится все более ограниченным»². Дальнейший тренд к интенсификации поддержки Украины повысит степень «воинственной интеграции» [37; 38], что, с другой стороны, потенциально вызовет ответную реакцию противников подобного вектора ЕС уже в формате фрагментации или поляризации. Однако заметность повышения дивергенции будет зависеть от охвата элит, отстающих от тезиса об экзистенциальной необходимости для ЕС наращивания поддержки Украины.

Фрагментация элит ЕС

Попытка использовать внешнюю консолидацию в качестве рычага сближения сопряжена со стремлением к снижению угрозы дивергенции перед лицом общих вызовов [10]. Инициативы в этом направлении были предприняты и представителями элиты крупнейших государств ЕС [38]. Однако интуитивная связь между коллективным внешним противником и консолидацией может быть динамичной [39] и даже обманчивой. В результате может не только не произойти объединения, но и возникнуть прямо противоположная тенденция к фрагментации.

В отдельных случаях поводом для фрагментации служат вопросы о степени поддержки Украины, особенно такие конфронтационные меры, как поставка крылатых ракет Taurus или заявления о возможности отправки военного контингента, выдвинутые президентом Франции Э. Макроном³. По этим сюжетам позиции О. Шольца⁴ и Э. Макрона прямо противоположны. О. Шольц открыто заявил, что «на украинской земле не будет ни сухопутных войск, ни солдат, отправленных туда европейскими странами или государствами НАТО»⁵, и высказался против поставок ракет Taurus⁶. В этих вопросах дивергенция переходит в качественно новое состо-

¹ As U. S. Support for Ukraine Falts, Europe Splits on Filling the Gap. 10.01.2024, *The New York Times*, URL: <https://www.nytimes.com/2024/01/10/world/europe/ukraine-war-support-europe.html> (дата обращения: 14.03.2024).

² ЕС сообщил о трудностях с согласованием 14 пакета санкций против России, 09.04.2024, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/04/2024/6615901a9a79474b4ac42a4c> (дата обращения: 16.03.2024).

³ Macron calls Russia threat 'existential' ahead of meeting with Tusk, Scholz, 15.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/newsletter/brussels-playbook/macron-calls-russia-threat-existential-ahead-of-meeting-with-tusk-scholz/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ Bundeskanzler Olaf Scholz: Wir erleben eine Zeitenwende, 2022, *Deutscher Bundestag*, URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw08-sondersitzung-882198> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ Send missiles to Ukraine or stand accused of appeasing Russia? Olaf Scholz must choose, 03.04.2024, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/03/send-missiles-to-ukraine-or-stand-accused-of-appeasing-russia-olaf-scholz-must-choose> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ Germany's Scholz says sending Taurus missiles to Ukraine is 'out of the question', 13.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/germanys-scholz-says-sending-taurus-missiles-to-ukraine-is-out-of-the-question/> (дата обращения: 16.03.2024).

ание, так как противоположные позиции закрепляют линии разрыва во мнениях. Принятие противоположной позиции не рассматривается как приемлемое, однако коммуникация по ним продолжается.

Фрагментация во мнениях из-за ситуации с ракетами и наземными войсками на Украине частично объяснима отсутствием прямого лидерства среди национального сегмента европейской элиты. По этой причине евробюрократия¹ и европарламентарии предпринимают попытки сокращения линий разрыва через смещение инициативы в дальнейшей милитаризации на себя. Так, вопреки позиции О. Шольца европарламентарии призывают к отправке ракет *Taurus* на Украину². Однако границы между суверенными и наднациональными инициативами и обоюдное давление лишь дополнительно фрагментируют элиты как внутри государств, так и между уровнями системы элит ЕС по особенно чувствительным вопросам.

Аналогичная тенденция присутствует и в Европарламенте. Вопреки ожидаемой консолидации депутатов, произошел обратный эффект, выявивший существовавшие и до СВО идеологические и региональные разделительные линии [32]. Прежде всего речь идет о разделительной линии между развитыми и развивающимися странами ЕС, а также растущей изоляции депутатов-евроскептиков [40]. Данные тенденции могут быть определены по косвенным индикаторам, а именно по интенсивности сетевых взаимосвязей внутри социальных медиа, наблюдаемых с начала СВО. Так, несмотря на изначальный общий всплеск сетевой активности всех групп европарламентариев с началом конфликта, евроскептические круги снизили свое участие в вербальной поддержке и сетевом обсуждении вопросов, связанных с конфликтом на Украине [32]. Речь идет не только о маргинальных и радикальных группах, но и в целом о сторонниках альтернативной политической повестки. В силу слабой ретрансляции их позиции через классические медиа важной площадкой для них становятся социальные сети, в которых и фиксируется фрагментация.

Подобная тенденция не только иллюстрирует переход к более выраженному виду дивергенции, но и, что показательно, вскрывает фрагментацию единственного института ЕС, избираемого гражданами напрямую. В сравнении с более однородной линией евробюрократов это означает, что степень расхождения поддержки европейских инициатив и политики по отношению к России может существенно различаться при сопоставлении избираемой и назначаемой части европейской элиты. Это способствует, в свою очередь, фрагментации не только политических групп внутри Европарламента, но и различных частей наднациональной евроэлиты.

Поляризация элит ЕС

Наиболее проблемной составляющей в вопросах внешней политики ЕС является идеологическая дивергенция, пересекающаяся с вопросом связей различных элит с Россией. В научном и политическом дискурсе закрепилось представление о прямой зависимости европейских правоконсервативных кругов от России или о близости с ней [41; 42]. Однако на деле ситуация складывается двойственно. Обзор 37 крайне правых партий [43] и анализ их деятельности в Европарламенте [44] показывает, что фрагментация существует и между ними. Часть элит стремительно

¹ Von der Leyen wants to be a wartime president. Now she has to convince EU leaders, 21.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-wartime-president-ukraine-eu-rome-election/> (дата обращения: 16.03.2024).

² Parliament calls on the EU to give Ukraine whatever it needs to defeat Russia, 29.02.2024, *European Parliament*, URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240223IPR18097/parliament-calls-on-the-eu-to-give-ukraine-whatever-it-needs-to-defeat-russia> (дата обращения: 16.03.2024).

отмежевлась от поддержки России после начала СВО¹, а другие, используя культурно-цивилизационные аргументы, оправдывают свою позицию по отношению к политике России².

Еще более важным является то, что сдвиги в европейской политике и номинальная консолидация европейского пространства не смогли «делегитимировать» правые идеологические взгляды. После кратковременного отката они, наоборот, вызвали рост электоральной поддержки правых сил. Часть правых политиков воспользовалась пророссийской риторикой в качестве инструмента критики ухудшения экономического положения в Европе [43]. Эти наблюдения воспроизводимы в рамках как национального, так и наднационального сегмента евроэлиты, что формирует основу для перехода политической дивергенции в стадию поляризации. Вместе с тем данная тенденция происходит на политической периферии и часто прослеживается в кругах, имеющих высокие культурные и экономические связи с Россией.

Наиболее ярким проявлением поляризации при этом становится прямое стремление политического мейнстрима заблокировать политическую повестку пророссийски настроенных правых кругов. В 2024 г. в преддверии выборов в Европейский парламент это стремление получило отражение в скандале вокруг издания «Voice of Europe»³, пропагандирующего пророссийские взгляды по вопросам санкций и ситуации на Украине. Весьма остро данная ситуация затронула немецких крайне правых политиков⁴, однако распространилась и на представителей аналогичных политических кругов⁵ Франции, Италии, Нидерландов и др. В выступлении У. фон Дер Ляйен звучало особое беспокойство тем, что представители правой элиты противодействуют ЕС⁶.

Идеологическая дивергенция в сочетании с наметившейся поляризацией по вопросам взаимодействия с Россией наблюдается не только в правых политических кругах, но в отдельных случаях и на противоположной, левой стороне политического спектра. Дифференцированное понимание левого течения показывает, что одна его часть — это идеологически посткоммунистические течения, а другая — течения социал-демократического толка. На идеологическую разобщенность левых сил указывают более пророссийские взгляды со стороны первых (выраженные, к примеру, в прямых призывах этих немецких левых сил к мирному урегулированию⁷) и явная антироссийская позиция вторых [31]. Но, как и в случае с правым течением, подобная тенденция отражает скорее маргинальные, а не основные политические противоречия в Европе.

¹ What are Marine Le Pen's ties to Vladimir Putin's Russia? 21.04.2022, *Le Monde*, URL: https://www.lemonde.fr/en/les-decodeurs/article/2022/04/21/what-are-marine-le-pen-s-ties-to-vladimir-putin-s-russia_5981192_8.html (дата обращения: 16.03.2024).

² Голландский депутат покинул группу в Европарламенте из-за позиции по России, 25.10.2022, *РИА Новости*, URL: <https://ria.ru/20221025/evroparlament-1826603223.html> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Russian influence scandal rocks EU, 29.03.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/voice-of-europe-russia-influence-scandal-election/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁴ EU's Russiagate hits German far right, 03.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/russiagate-hits-german-far-right-european-parliament-afd/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ 'I hope Ukraine will lose': What MEPs told Russian propaganda channel, 11.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/i-hope-ukraine-will-lose-meps-russian-propaganda-channel/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁶ Von der Leyen castigates far-right AfD over Russiagate scandal. 13.04.2024, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-germany-afd-russia-scandal-voice-of-europe/> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Mehr Milliarden für den Krieg, 14.03.2024, *Die Linke im Europäischen Parlament*, URL: <https://dielinke-europa.eu/2024/mehr-milliarden-fuer-den-krieg/> (дата обращения: 16.03.2024).

Если рассматривать поляризацию не с точки зрения поддержки России, а с позиции оценки действий по поддержке Украины в рамках СВО, то разделительные линии намечаются между правящими элитами и оппозиционными силами [45]. В особенности это затрагивает вопросы эффективности санкций¹. Оппозиционные силы, вопреки ожиданиям консолидации, часто используют конфликт и его национальные издержки в качестве инструмента усиления своей электоральной поддержки. При этом провоенная политика действующих властей позиционируется с точки зрения зависимости от выбранного пути. В данном вопросе выборы в Европарламент также намечают тенденцию именно к поляризации, что подтверждается ростом опасений² об усилении оппозиционных и радикальных сил в новом составе Европарламента.

Таким образом, опыт ЕС иллюстрирует многофакторную и сложную для анализа среду, в которой образование разделительных линий по внешнеполитическим вопросам сочетается с разной степенью дивергенции. Поляризация между поддержкой и противопоставлением политики России в среде европейских элит носит ограниченный и маргинальный характер, в то время как фрагментация и сегментация имеют более выраженное проявление. В отдельных случаях существующие в публичном пространстве политические ожидания от поляризации не совпадают с реальными разделительными линиями. По этой причине применение градации степени дивергенции позволяет избежать ложного определения реальной общеевропейской повестки. Оно четко объясняет структуру коммуникации элит ЕС, в частности между бюрократией и партийными элитами.

Заключение

Представляется, что сформулированная нами модель изучения разделительных линий элит ЕС по вопросам отношений с Россией имеет три принципиально важных переменных для анализа. Во-первых, основой выступает градация степени дивергенции элит, формирующей разделительные линии. Она включает в себя сегментацию элит, их фрагментацию и поляризацию. Во-вторых, многосоставный характер элиты ЕС требует включения в рамки анализа европейских наднациональных элит (избираемых и назначаемых) наравне с традиционными национальными элитами. Представителям государственной элиты при этом отводится роль артикуляции интересов на уровне отдельных институтов ЕС. В-третьих, принципиальное значение имеет форма постановки вопроса об отношениях с Россией, по которому возможно формирование разделительных линий. Так, наблюдается показательная разница среди элит в зависимости от того, идет ли речь о степени разрыва отношений с Россией (экономических, культурных и т. д.), или о степени участия в конфликте на Украине. Кроме того, большое значение в определении разрывов и степени дивергенции играют географические и идеологические переменные, которые сочетаются со статусом той или иной элиты в рамках властных структур. Данные факторы чаще всего и определяют итоговое воплощение степени дивергенции элит.

Реальная поляризация (с наивысшей степенью разделительных линий) кроется в поиске наднациональными элитами средств для репутационного роста, а также способов активизации процесса «воинственной интеграции». В идеологически и географически разделенных политических кругах это воспринимается полярно, особенно в условиях наднационального демократического дефицита. Рост полярности соотносится с переходом обсуждаемой проблематики из социально-эконо-

¹ Оппозиция Австрии считает, что от санкций ЕС против РФ выиграли Индия, КНР и США, 28.02.2024, TACC, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20100345> (дата обращения: 16.03.2024).

² A Far-Right Takeover of Europe Is Underway, 13.03.2024, *Foreign Policy*, URL: <https://foreign-policy.com/2024/03/13/eu-parliament-elections-populism-far-right/> (дата обращения: 16.03.2024).

мической области в военно-политическую сферу. Расхождение запросов национальных или идеологических групп по этим вопросам в составе наднациональных органов способен потенциально спровоцировать переход элит на более высокие ступени дивергенции.

Вместе с тем, как показывает многоуровневый анализ проблематики в ЕС, жесткая поляризация, а следовательно, и появление глубоких разделительных линий остаются в текущих условиях скорее гипотетическим сценарием развития для элит ЕС. Реальное положение дел связано лишь с наличием тенденции к обострению сегментации, переходящей по отдельным разделительным линиям в фазу фрагментации. Именно это явление снижает вероятность сохранения консолидированной позиции элит и стран ЕС по России, в то время как наличие определенных политических групп, выступающих против наращивания конфронтации, а также институциональные сложности создают условия для углубления разделительных линий.

Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01280 «Разделительные линии в правящих кругах Запада при формировании политики в отношении России в условиях современной конфронтации».

Список литературы

1. Котта, М. 2012, Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского союза, *Сравнительная политика*, т. 3, № 3, с. 24—45. EDN: QCMETL
2. Kubacki, K., Rundle-Thiele S., Pang B., Carins J., Parkinson J., Fujihira H., Ronto R. 2017, An Umbrella Review of the Use of Segmentation in Social Marketing Interventions, In: Dietrich, T., Rundle-Thiele, S., Kubacki, K. (eds.), *Segmentation in Social Marketing*, Springer, Singapore, https://doi.org/10.1007/978-981-10-1835-0_2
3. D'Annunzio, A., Russo, A. 2015, Net Neutrality and internet fragmentation: The role of online advertising, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 43, p. 30—47, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2015.07.009>
4. Dahlberg, L. 2007, Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation, *New Media & Society*, vol. 9, № 5, p. 827—847, <https://doi.org/10.1177/1461444807081228>
5. Zanotti, L. 2022, Populism and Polarisation, in: *The Populism Interviews*, Routledge.
6. Белоброва, О. Д. 2016, Социальная фрагментация как сущностный феномен дифференциации, *PolitBook*, № 4, с. 56—64. EDN: ZBJVJJ
7. Колядин, А. М. 2016, Политическая элита и национально-государственная идеология, *Юридическая наука: история и современность*, № 12, с. 178—184. EDN: YWUNZY
8. Banda, K. K., Cluverius, J. 2018, Elite polarization, party extremity, and affective polarization, *Electoral Studies*, vol. 56, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.09.009>
9. Enders, A. M. 2021, Issues versus Affect: How Do Elite and Mass Polarization Compare?, *The Journal of Politics*, vol. 83, № 4, p. 1872—1877, <https://doi.org/10.1086/715059>
10. Myrick, R. 2021, Do External Threats Unite or Divide? Security Crises, Rivalries, and Polarization in American Foreign Policy, *International Organization*, vol. 75, № 4, p. 921—958, <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
11. Orian Harel, T., Maoz, I., Halperin, E. 2020, A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict, *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, p. 52—57, <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.013>
12. Sohlberg, J. 2017, The Effect of Elite Polarization: A Comparative Perspective on How Party Elites Influence Attitudes and Behavior on Climate Change in the European Union, *Sustainability*, vol. 9, № 1, 39, <https://doi.org/10.3390/su9010039>
13. Кучеров, М. А., Харкевич, М. В. 2024, «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности, *Вестник московского университета. Сер. XXV. Международные отношения и мировая политика*, т. 15, № 4, с. 61—83, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83>

14. Hooghe, L., Marks, G. 2009, A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus, *British Journal of Political Science*, vol. 39, № 1, <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
15. Braun, M. 2020, Postfunctionalism, Identity and the Visegrad Group, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 58, № 4, p. 925—940, <https://doi.org/10.1111/jcms.12994>
16. Funke, M., Schularick, M., Trebesch, C. 2023, Populist Leaders and the Economy, *American Economic Review*, vol. 113, № 12, p. 3249—3288, <https://doi.org/10.1257/aer.20202045>
17. Snower, D. J., Bosworth, S. J. 2021, Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism, *European Journal of Political Economy*, vol. 67, 101965, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101965>
18. Карабущенко, П. Л., Оськина, О. И. 2021, Постправда карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада, *Современная наука и инновации*, № 2, с. 187—196, <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2021.2.20>
19. Macy, M. W., Willer, R. 2002, From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling, *Annual Review of Sociology*, vol. 28, p. 143—166, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117>
20. Bache, I., Flinders, M. 2004, *Multi-level Governance*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/0199259259.001.0001>
21. Оленченко, В. А., Межевич, Н. М. 2021, Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии, *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>
22. Стрежнева, М. В. 2009, Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление), *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, с. 38—49. EDN: LHJKNT
23. Cotta, M. 2012, Political Elites and a Polity in the Making: The Case of the EU, *Historical Social Research*, vol. 37, № 1, p. 167—192.
24. Lengyel, G., Best, H., Verzichelli, L. (eds.). 2012, *The Europe of Elites, A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites*, URL: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199602315.do> (дата обращения: 15.04.2024).
25. Sperling, J., Webber, M. 2019, The European Union, Security Governance and Collective Securitization, *West European Politics*, vol. 42, p. 228—260, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510193>
26. Henökl, T. 2020, An alternative reading of EU foreign policy administration, *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Routledge.
27. Hurrelmann, A., DeBardeleben, J. 2009, Democratic dilemmas in EU multilevel governance: untangling the Gordian knot, *European Political Science Review*, vol. 1, № 2, p. 229—247, <https://doi.org/10.1017/S1755773909000137>
28. Nicoli, F. 2020, Democratic Deficit and Its Counter-Movements: The Eurocentric-Eurosceptic Divide in Times of Functional Legitimacy: In Baldassari, M. et al. (eds.), *Anti-Europeanism: Critical Perspectives Towards the European Union*, Cham, Springer International Publishing, p. 13—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-24428-6_2
29. Portela, C., Pospieszna, P., Skrzypczyńska, J., Walentek, D. 2021, Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia, *Journal of European Integration*, 43, № 6, p. 683—699, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
30. Giumelli, F. 2017, The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 55, № 5, p. 1062—1080, <https://doi.org/10.1111/jcms.12548>
31. Stolle, D. 2024, Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans?. *European Political Science*, vol. 23, p. 218—233, <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
32. Chueri, J., Törnberg, P. 2024, Did Russia's invasion of Ukraine unite Europe? Cohesion and divisions of the European Parliament on Twitter', *Political Research Exchange*, vol. 6, № 1, 2299121, <https://doi.org/10.1080/2474736X.2023.2299121>

33. Романова, Т. А. 2017, Уровни анализа как инструмент оценки эволюции отношений России и Евросоюза, *Современная Европа*, № 2, с. 30—42, <https://doi.org/10.15211/soveurope220173042>
34. Леушкин, Д. В., Самойлов, Н. Г. 2022, Логика столкновения “демократий” с “автократиями” в видении европейских и американских элит, *Современная Европа*, № 1, с. 208—219. EDN: FIBAPB
35. Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. 2013, Россия и страны Евросоюза: партнерство для модернизации, *Мировая экономика и международные отношения*, № 8, с. 54—61. EDN: QZPYLX
36. David, D., Gower, J., Haukkala, H. 2013, *National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making?*, Routledge.
37. Genschel, P. 2022, Bellicist integration? The war in Ukraine, the European Union and core state powers, *Journal of European Public Policy*, vol. 29, № 12, p. 1885—1900, <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141823>
38. Genschel, P., Leek, L., Weyns, J. 2023, War and integration. The Russian attack on Ukraine and the institutional development of the EU, *Journal of European Integration*, vol. 45, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183397>
39. Evrigenis, I. D. 2007, *Fear of Enemies and Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509636>
40. Wellings, B. 2023, Nationalism and European disintegration, *Nations and Nationalism*, vol. 29, № 4, p. 1164—1178, <https://doi.org/10.1111/nana.12884>
41. Ramos, J. M., Raab, N. 2022, Russia Abroad, Russia at Home: The Paradox of Russia’s Support for the Far Right, *Russian Politics*, vol. 7, № 1, p. 69—97, <https://doi.org/10.30965/24518921-00604012>
42. Shekhovtsov, A. 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315560991>
43. Ivaldi, G., Zankina, E. (eds.). 2023, *The impact of the Russia–Ukraine War on right-wing populism in Europe*. European Center for Populism Studies (ECPS), Brussels, <https://doi.org/10.55271/rp0010>
44. Holesch, A., Zagórski, P. 2023, Toxic friend? The impact of the Russian invasion on democratic backsliding and PRR cooperation in Europe, *West European Politics*, vol. 46, № 6, p. 1178—1204, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2202981>
45. Hooghe, L. Marks, G., Bakker, R., Jolly, S., Polk, J., Rovny, J., Steenbergen, M., Vachudova, M. A. 2024, The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine’, *European Union Politics*, <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>

Об авторах

Константин Константинович Худoley, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0666-1120>

Юрий Юрьевич Колотаев, ассистент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>



DIVIDING LINES IN THE EU'S COMMON FOREIGN POLICY: RUSSIA AS A POLARISING FACTOR

K. K. Khudoley 

Y. Y. Kolotaev 

Saint Petersburg University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Received 20 April 2024

Accepted 15 July 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-3-5

© Khudoley, K. K., Kolotaev, Y. Y., 2024

Amid the ongoing confrontation between Russia and the West, the processes of consolidation and divergence among political elites are crucial for understanding the mechanisms that form dividing lines. This is particularly important when examining the elites of the European Union in their opposition to Russia. This article aims to develop a framework for analysing the dividing lines among EU elites in the context of relations with Russia. The analysis employs a multi-tier model establishing a relationship between the ‘depth’ of a dividing line and the degree of elite disunity. The model includes two levels of analysis of dividing lines within the EU: supranational and national. The research demonstrates that, depending on the degree of interest misalignment and the availability of communication channels, elite divergence can result in segmentation, fragmentation or polarisation. Each of the tiers of divergence increasingly reduces the likelihood of forming a common EU position on foreign policy issues. All three tendencies — segmentation, fragmentation and polarisation — are observed within the EU in relation to Russia at different levels of elite analysis. Crucial to the formation of a dividing line is the aspect of EU–Russia relations in question: the degree of distancing from the country or support for, and funding of, containment. Additional variables include factors such as the regional affiliation of the elite, their ideology and position within the power structure. Among all levels of analysis, polarisation is most evident in the efforts of supranational elites to promote ‘militant integration’, which conflicts with the interests of national elites and citizens of member states.

Keywords:

Russia, European Union, Europe, elites, dividing lines, fragmentation, polarisation, segmentation

References

1. Kotta, M. 2012, Political elites and the formation of political system on the example of the European Union, *Comparative politics*, vol. 3, № 3, p. 24–45. EDN: QCMETL
2. Kubacki, K., Rundle-Thiele S., Pang B., Carins J., Parkinson J., Fujihira H., Ronto R. 2017, An Umbrella Review of the Use of Segmentation in Social Marketing Interventions, In: Dietrich, T., Rundle-Thiele, S., Kubacki, K. (eds.), *Segmentation in Social Marketing*, Springer, Singapore, https://doi.org/10.1007/978-981-10-1835-0_2
3. D’Annunzio, A., Russo, A. 2015, Net Neutrality and internet fragmentation: The role of online advertising, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 43, p. 30–47, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2015.07.009>

4. Dahlberg, L. 2007, Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation, *New Media & Society*, vol. 9, № 5, p. 827—847, <https://doi.org/10.1177/1461444807081228>
5. Zanotti, L. 2022, Populism and Polarisation, in: *The Populism Interviews*, Routledge.
6. Belobrova, O. 2016, Social fragmentation as the essential phenomenon of differentiation, *PolitBook*, № 4, p. 56—64. EDN: ZBJVJJ
7. Kolyadin, A. M. 2016, Political elite and national-state ideology, *Legal science: history and the presence*, № 12, p. 178—184. EDN: YWUNZY
8. Banda, K. K., Cluverius, J. 2018, Elite polarization, party extremity, and affective polarization, *Electoral Studies*, vol. 56, p. 90—101, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.09.009>
9. Enders, A. M. 2021, Issues versus Affect: How Do Elite and Mass Polarization Compare?, *The Journal of Politics*, vol. 83, № 4, p. 1872—1877, <https://doi.org/10.1086/715059>
10. Myrick, R. 2021, Do External Threats Unite or Divide? Security Crises, Rivalries, and Polarization in American Foreign Policy, *International Organization*, vol. 75, № 4, p. 921—958, <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
11. Orian Harel, T., Maoz, I., Halperin, E. 2020, A conflict within a conflict: intragroup ideological polarization and intergroup intractable conflict, *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 34, p. 52—57, <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.11.015>
12. Sohlberg, J. 2017, The Effect of Elite Polarization: A Comparative Perspective on How Party Elites Influence Attitudes and Behavior on Climate Change in the European Union, *Sustainability*, vol. 9, № 1, p. 39, <https://doi.org/10.3390/su9010039>
13. Kucherov, M. A., Kharkevich, M. V. 2023, 'Bottom-up securitization': A visual turn in security studies, *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, № 4, p. 61—83, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83> (in Russ.).
14. Hooghe, L., Marks, G. 2009, A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus, *British Journal of Political Science*, vol. 39, № 1, <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
15. Braun, M. 2020, Postfunctionalism, Identity and the Visegrad Group, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 58, № 4, p. 925—940, <https://doi.org/10.1111/jcms.12994>
16. Funke, M., Schularick, M., Trebesch, C. 2023, Populist Leaders and the Economy, *American Economic Review*, vol. 113, № 12, p. 3249—3288, <https://doi.org/10.1257/aer.20202045>
17. Snower, D. J., Bosworth, S. J. 2021, Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism, *European Journal of Political Economy*, vol. 67, 101965, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101965>
18. Karabushenko, P. L., Oskina, O. I. 2021, The post-truth of carnival political culture of the modern collective western elite, *Modern Science and Innovations*, № 2, p. 187—196, <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2021.2.20>
19. Macy, M. W., Willer, R. 2002, From Factors to Actors: Computational Sociology and Agent-Based Modeling, *Annual Review of Sociology*, vol. 28, p. 143—166, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141117>
20. Bache, I., Flinders, M. 2004, *Multi-level Governance*, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/0199259259.001.0001>
21. Olenchenko, V. A., Mezhevich, N. M. 2021. The Visegrad Group and the Baltic Assembly: coalitions within the EU as seen through Russian foreign policy, *Baltic Region*, vol. 13, № 3, p. 25—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>
22. Strezhneva, M. V. 2009, Structuring of political space in European Union, *World Economy and International Relations*, № 12, p. 38—49. EDN: LHJKNT
23. Cotta, M. 2012, Political Elites and a Polity in the Making: The Case of the EU, *Historical Social Research*, vol. 37, № 1, p. 167—192.
24. Lengyel, G., Best, H., Verzichelli, L. (eds.). 2012, *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites*, URL: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199602315.do> (accessed 15.04.2024).
25. Sperling, J., Webber, M. 2019, The European Union, Security Governance and Collective Securitization, *West European Politics*, vol. 42, p. 228—260, <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510193>

26. Henökl, T. 2020, An alternative reading of EU foreign policy administration, *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Routledge.
27. Hurrelmann, A., DeBardeleben, J. 2009, Democratic dilemmas in EU multilevel governance: untangling the Gordian knot, *European Political Science Review*, vol. 1, № 2, p. 229—247, <https://doi.org/10.1017/S1755773909000137>
28. Nicoli, F. 2020, Democratic Deficit and Its Counter-Movements: The Eurocentric–Euro-sceptic Divide in Times of Functional Legitimacy: In Baldassari, M. et al. (eds.), *Anti-European-ism: Critical Perspectives Towards the European Union*, Cham, Springer International Publishing, p. 13—29, https://doi.org/10.1007/978-3-030-24428-6_2
29. Portela, C., Pospieszna, P., Skrzypczyńska, J., Walentek, D. 2021, Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia, *Journal of European Integration*, 43, № 6, p. 683—699, <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
30. Giumelli, F. 2017, The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 55, № 5, p. 1062—1080, <https://doi.org/10.1111/jcms.12548>.
31. Stolle, D. 2024, Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans?, *European Political Science*, vol. 23, p. 218—233, <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
32. Chueri, J., Törnberg, P. 2024, Did Russia’s invasion of Ukraine unite Europe? Cohesion and divisions of the European Parliament on Twitter’, *Political Research Exchange*, vol. 6, № 1, 2299121, <https://doi.org/10.1080/2474736X.2023.2299121>
33. Romanova, T. A. 2017, Levels of analysis as an instrument to assess the evolution of Eu-Russian relations, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 30—42, <https://doi.org/10.15211/soveurope220173042>
34. Leushkin, D. V., Samoilov, N. G. 2022, Logic of Confrontation between “Democracies” and “Autocracies” viewed by European and American Elites, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 208—219. EDN: FIBAPB
35. Romanova, T. A., Pavlova, E. B. 2013, Russian and EC countries: partnership for modernization, *World Economy and International Relations*, № 8, p. 54—61. EDN: QZPYLX
36. David, D., Gower, J., Haukkala, H. 2013, *National Perspectives on Russia: European Foreign Policy in the Making?*, Routledge.
37. Genschel, P. 2022, Bellicist integration? The war in Ukraine, the European Union and core state powers, *Journal of European Public Policy*, vol. 29, № 12, p. 1885—1900, <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141823>
38. Genschel, P., Leek, L., Weyns, J. 2023, War and integration. The Russian attack on Ukraine and the institutional development of the EU, *Journal of European Integration*, vol. 45, p. 343—360, <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2183397>
39. Evrigenis, I. D. 2007, *Fear of Enemies and Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509636>
40. Wellings, B. 2023, Nationalism and European disintegration, *Nations and Nationalism*, vol. 29, № 4, p. 1164—1178, <https://doi.org/10.1111/nana.12884>
41. Ramos, J. M., Raab, N. 2022, Russia Abroad, Russia at Home: The Paradox of Russia’s Support for the Far Right, *Russian Politics*, vol. 7, № 1, p. 69—97, <https://doi.org/10.30965/24518921-00604012>
42. Shekhovtsov, A. 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*, L., Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315560991>
43. Ivaldi, G., Zankina, E. (eds.). 2023, *The impact of the Russia-Ukraine War on right-wing populism in Europe*, European Center for Populism Studies (ECPS), Brussels, <https://doi.org/10.55271/rp0010>
44. Holesch, A., Zagórski, P. 2023, Toxic friend? The impact of the Russian invasion on democratic backsliding and PRR cooperation in Europe, *West European Politics*, vol. 46, № 6, p. 1178—1204, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2202981>

45. Hooghe, L. Marks, G., Bakker, R., Jolly, S., Polk, J., Rovny, J., Steenbergen, M., Vachudova, M.A. 2024, The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine', *European Union Politics*, <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>

The authors

Prof Konstantin K. Khudoley, Head of the Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0666-1120>

Yury Y. Kolotaev, Assistant professor, Department of European Studies, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))